

TERRY PRATCHETT

TERRY PRATCHETT

Maskerade

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

Маскарад

Москва
2021

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

TERRY PRATCHETT

Maskerade

Copyright © 1995 by Terry and Lyn Pratchett
First published by Victor Gollancz Ltd., Great Britain

Перевод с английского *С. Увбарх*
под редакцией *А. Жикаренцева*

Оформление серии *И. Саукова*

Серия основана в 2006 году

Пратчетт, Терри.

П68 Маскарад : фантастический роман / Терри Пратчетт ;
[пер. с англ. С. Увбарх]. — Москва : Эксмо, 2021. —
416 с.

ISBN 978-5-699-19541-1

Шоу должно продолжаться! Хахахахахаха! [Примечание: здесь и далее безумный смех принадлежит Призраку Оперы.] Даже если кто-то умер [Хахаха!!!], нужно оттащить его в сторонку и все равно продолжать шоу. И ни в коем случае нельзя занимать ложу номер 8, ведь она предназначена для того самого Призрака, который дарит успешным певицам стебли от роз и между делом зачем-то убивает людей. [Хахаха!!!] А что, если его прогнать по улицам города и скинуть в реку Анк, дабы злодею неповадно было? [Хахаха???

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Перевод. С. Увбарх, 2006

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ISBN 978-5-699-19541-1

ПОСВЯЩЕНИЕ

*Я приношу свою искреннюю
благодарность людям, которые
продемонстрировали мне, что опера —
вещь гораздо более странная, чем мне
казалось прежде. Пожалуй, самой
лучшей благодарностью будет,
если я вовсе не стану упоминать
здесь их имена.*

Ветер завывал. Горы раскалывались под напором бури. Молния беспорядочно тыкалась в утесы, словно старческий палец, выковыривающий из вставной челюсти смородиновое зернышко.

В шумно колыхающихся на ветру зарослях дрока вспыхнул неверный под порывами ветра огонек.

— Когда мы вновь увидимся... вдвоем? — возопил чудной, жутковатый голосок.

Над землей в очередной раз прокатился раскат грома.

— И зачем было орать? — ответил другой голос, наделенный гораздо более привычными уху модуляциями. — Из-за тебя я уронила тост в костер.

Нянюшка Ягг уселась обратно на свое место.

— Прости, Эсме. Я, это... как бы объяснить... уважение к прежним временам, традиции... Но согласна, звучит не ахти, как-то неправильно.

— А я только его поджарила как надо, только он стал таким золотистым...

— Ну прости.

— ...И тут ты орать.

— Извини.

— Я к тому, я ведь не глухая. Что мешало спросить нормально? И я бы ответила, что, мол, в следующую среду и увидимся.

— Прости.

— Отрежь мне еще кусочек.

Кивнув, нянюшка Ягг обернулась.

— Маграт, отрежь-ка матушке Ветровоск еще...
О... Это я по привычке, все забываю. Ну да ничего, сама отрежу.

— Ха! — откликнулась матушка Ветровоск, не сводя глаз с пылающего огня.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме завывания ветра и странных звуков — нянюшка Ягг резала хлеб. По своей результативности это ее действие могло соперничать разве что с попытками распилить циркулярной пилой пуховую перину.

— Я надеялась, если мы сюда придем, тебя это немножко взбодрит... — через некоторое время произнесла нянюшка.

— Да ну. — Это был не вопрос.

— Вроде как поможет развеяться, — продолжала нянюшка, внимательно следя за выражением лица подруги.

— М-м? — Матушка все так же хмуро таращилась в костер.

«Ой-ей, — подумала нянюшка. — А вот этого говорить не следовало...»

Дело в том, что... в общем, дело в том, что нянюшка Ягг была встревожена. Очень встревожена. Ей казалось... всего-навсего *казалось*, но и это уже знак... что ее подруга... даже подумать страшно... что она в некотором роде начала... не к ночи будет помянуто... одним словом, начала чернеть...

Такое порой случается — с самыми могущественными ведьмами. А матушка Ветровоск была чертовски могущественной ведьмой. Сейчас она, наверное, еще сильнее, чем была в свое время Черная Алиса. Эта са-

мая Алиса стяжала себе очень дурную славу, а что с ней случилось в конце, все знают: пара ребяташек затолкала Черную Алису в ее же собственную печку. Все тогда так радовались этому, так радовались... Хотя печку потом неделю было не отчистить.

Но Алиса до самого своего последнего дня, вплоть до самой своей страшной кончины, терроризировала Овцепики. Она настолько преуспела в ведьмовстве, что только о нем одном и думала.

Говорят, никакое оружие ее не брало. Мечи отскакивали от ее кожи. А еще говорят, будто бы от ее безумного хохота волосы вставали дыбом у всей округи. Разумеется, в некоторых обстоятельствах без такого хохота, именно безумного — обязательной части ведьмовского профессионального инвентаря, — не обойтись. Однако ее хохот был *абсолютно чокнутым*, самым что ни на есть наихудшим. Кроме того, Черная Алиса превращала людей в пряники, а дом у нее был из лягушек. И чем дальше, тем больше — ближе к концу стало совсем гадко. Так всегда бывает, когда добрая ведьма превращается в злую.

Конечно, добрые ведьмы не всегда превращаются в злых. Иногда они просто... куда-то уходят.

Интеллект матушки жаждал *действия*. И матушка боролась со скукой изо всех сил. Обычно она ложилась у себя в хижине и, вселившись в какую-нибудь лесную зверушку, слушала ее ушами, смотрела ее глазами. В этом нет ничего плохого — наоборот, это очень даже познавательно. Но слишком уж она в этом преуспела. В другом существе матушка могла пребывать очень долго, дольше, чем кто-либо другой из тех, кого знала нянюшка Ягг.

Когда-нибудь она не вернется из своих странствий, в этом можно было не сомневаться... Просто не

захочет. Как раз сейчас самое опасное время года: дикие гуси каждую ночь перечеркивают небо, сопровождая свой полет зазывным курлыканьем, а холодный осенний воздух так свеж и сладок... Есть в этом какой-то страшный соблазн.

Нянюшка Ягг, кажется, догадывалась, в чем крылась проблема.

Она кашлянула.

— На днях видела Маграт, — рискнула сообщить она, искоса посмотрев на матушку.

Никакой реакции.

— Выглядит прекрасно. Королевствование пошло ей на пользу.

— Гм-м?

Нянюшка испустила внутренний стон. Матушка даже не удосужилась съязвить — значит, ей и *вправду* не хватает Маграт.

Поначалу нянюшка Ягг отказывалась в это верить, но Маграт Чесногк, хоть и ходила бóльшую часть суток сырая, как губка, в одном была абсолютно права.

Тройка — самое естественное число для ведьм.

А их стало меньше. Одну свою товарку они потеряли. Ну, не совсем потеряли. Маграт теперь в королевах, а королева не такая вещь, которую можно по ошибке затолкать не на ту полку, забыть и потерять. Но... все равно из трех осталось только двое.

Когда есть трое, стоит подняться шуму-гвалту, как третий быстренько примиряет поссорившиеся стороны. У Маграт это очень хорошо получалось. Без Маграт нянюшка Ягг и матушка Ветровоск действовали друг другу на нервы. Тогда как с ней тройца действовала на нервы всем остальным обитателям Плоского мира, а ведь это гораздо веселее.

И похоже, Маграт не собирается возвращаться...

по крайней мере, Маграт *пока* не собирается возвращаться.

Да, тройка — отличное число, самое то для ведьм, но помимо всего тройка должна быть *правильной*. В смысле, три ведьмы должны быть *совместимы*.

С некоторым удивлением нянюшка Ягг вдруг поняла, что ей как-то неловко даже думать об этом. Хотя в обычных обстоятельствах смущение было так же свойственно нянюшке, как кошкам — альтруизм.

Будучи ведьмой, она не верила ни в какие оккультные бредни. Но там, на самом дне души, скрывалась пара-другая истин, и спорить с этими истинами было очень трудно. Особенно с истиной, касающейся, так сказать, девы, матери... ну и этой, третьей.

Вот оно. Она наконец облекла правду в слова.

Разумеется, все это не более чем древние предрассудки. В такое верили только темные, непросвещенные люди; раньше словами «дева», «мать» или... ну, этим, оставшимся словом... описывали каждую женщину старше двадцати и на протяжении всей ее жизни, за исключением, быть может, определенных девяти месяцев. Тогда как сейчас любая девушка, умеющая считать и обладающая достаточным благоразумием, чтобы прислушаться к совету нянюшки, могла на вполне приличное время отложить свой переход во вторую стадию.

И все равно... суеверие это *очень старое*, старше книг, старше письменности. Подобные предрассудки тяжким бременем ложатся на тонкую резиновую ткань человеческого существования и тянут за собой людей.

Кроме того, Маграт уже три месяца как замужем. Это означает, что к первой категории она больше не принадлежит. По крайней мере — поезд мыслей ня-

нюшки слегка дернуло, и он сошел на боковую ветку, — *скорее всего* не принадлежит. Нет, даже *наверняка* не принадлежит. Молодой Веренс выписал себе самое современное пособие. С картинками, и каждая стадия обозначена номерочком. Нянюшка знала об этом, потому что однажды, во время очередного визита вежливости, проскользнула в опочивальню и провела очень поучительные девять минут, пририсовывая к картинкам в книжке усы и очки. Не может быть, чтобы у Маграт и Веренса что-то не получилось... Они все преодолели и справились — хотя до нянюшки доходили слухи, что совсем недавно Веренс осторожно наводил справки, нельзя ли где прикупить пару фальшивых усов. В общем, пройдет совсем немного времени, и Маграт с полным правом будет причислена ко второй категории: все-таки картинки в книжке — великое дело.

Разумеется, матушка Ветровоск очень величественно изображает независимость. Из нее так прямо и прет, что никтошеньки ей для счастья не нужен. Однако тут есть одна загвоздка: своей независимостью и самодостаточностью надо кичиться *перед кем-то*. Люди, которые ни в ком не нуждаются, нуждаются в том, чтобы люди вокруг видели, что они абсолютно ни в ком не нуждаются.

Это как с отшельниками. Чтобы пообщаться с Вечностью, вовсе не обязательно лезть на высоченную гору и морозить там свое хозяйство. Нет, тут все дело во впечатлительных дамочках, которых периодически приводят к вам на экскурсию, чтобы они нарушали ваше гордое уединение своими восторженными ахами-охами.

...Нужно опять стать троицей. Когда трое собираются вместе, жизнь начинает бить ключом. Да, случа-

лись ссоры и приключения, и было на что матушке позлиться, но ведь ей лишь в удовольствие, позлиться-то. По сути дела, подумала нянюшка, матушка Ветровоск только тогда и бывает самой собой, когда злится.

Да. Надо опять стать троицей.

Иначе... взмахнут в ночи серые крылья или лязгнет заслонка печи...

Рукопись всячески сопротивлялась прочтению, так и норовя рассыпаться.

Собственно говоря, это была и не рукопись вовсе, а собрание старых мешочков из-под сахара, конвертов, салфеток и клочков древних отрывных календарей.

Издав недовольное мычание, господин Козлингер сгреб в охапку заплесневелые записки и собрался было бросить их в камин.

Но тут взгляд его привлекло некое слово.

Он прочел, и взгляд потянулся дальше, пока не достиг конца предложения.

Потом господин Козлингер дочитал страницу, при этом несколько раз возвращаясь к уже прочитанному. Ему даже не верилось, что он читает то, что читает.

Он перевернул страницу. А потом опять вернулся к предыдущей. И так он читал все дальше и дальше. В какой-то момент господин Козлингер вытащил из ящика письменного стола линейку и окинул ее задумчивым взглядом.

Затем открыл буфет, где содержались те напитки, что покрепче. Бутылка, сжимаемая неуверенной рукой, весело зазвенела о край бокала.

Господин Козлингер посмотрел в окно, на здание Оперы, которое высилось на противоположной стороне улицы. Маленькая фигурка подметала лестницу.

— О боги... — пробормотал он себе под нос, после чего решительным шагом направился к двери. — Господин Стригс, не мог бы ты зайти на минутку? — позвал он.

Главный печатник вошел в кабинет, сжимая в руке пачку гранок.

— Придется заставить господина Резника выгравировать одиннадцатую страницу заново, — похоронным голосом сообщил он. — Он считает, что слово «голод» состоит из шести букв...

— Прочти вот это, — сказал Козлингер.

— Я как раз собирался пойти пообедать...

— Прочти.

— Но согласно правилам Гильдии у меня есть право...

— Прочти — и посмотрим, что станет с твоим аппетитом.

Господин Стригс неуклюже уселся и взглянул на первую страницу.

Отложил ее в сторону.

Через некоторое время он открыл ящик письменного стола и вытащил линейку, на которую долго и задумчиво смотрел.

— Ты прочел о Банановом Изумлении? — осведомился Козлингер.

— Да!

— Подожди, ты еще не знаешь, что такое Биг Смак.

— Вообще-то, моя бабушка отлично готовила, так что пальчики оближешь...

— Это не то, что ты думаешь. — В тоне Козлингера звучала абсолютная уверенность.

Стригс принялся листать дальше.

— С ума сойти! Неужели это действительно можно приготовить?

— Какая разница? Немедленно отправляйся в Гильдию и найми всех гравировщиков, которые сейчас не заняты. Чем старше возрастом, тем лучше.

— Но еще не отлиты предсказания на грюнь, июнь, август и сплюнь для следующего «Ещегодника»...

— Забудь. Всегда можно использовать старые гранки.

— А если читатели заметят?

— С чего бы вдруг? До сих пор не замечали, — возразил господин Козлингер. — Ты же знаешь, как все делается, не мне тебя учить. В Клатче пройдут Поразительные Аджиковые Дожди и случится Загадочная Гибель Серифа, Осиная Чума грозит Очудноземью. Ну и так далее. Нет, вот *это* поважнее будет.

Он опять невидящим взором уставился в окно.

— *Куда* важнее...

И господин Козлингер предался любимой мечте всех издателей. В этой мечте фигурировали штаны, карманы которых были доверху набиты золотом, и двое слуг, нанятых специально, чтобы поддерживать штаны.

Гигантский, с колоннами, усаженный горгульями фронтон анк-морпоркской Оперы величественно возвышался над Агнессой Нитт.

Агнесса остановилась. По крайней мере, *большая* ее часть. Агнессы было много. Более удаленным от эпицентра регионам, чтобы остановиться, требовалось некоторое время.

Ну вот. Наконец-то. Теперь она может войти, а может уйти прочь. Это и называется «сделать выбор, который, быть может, изменит всю вашу жизнь».

С проблемой выбора Агнесса сталкивалась впервые — раньше всегда выбирали за нее.

На размышления у Агнессы ушло довольно много времени — сидящий неподалеку голубь даже всерьез задумался, а не пристроиться ли на ночевку на огромной и довольно-таки унылой черной шляпе с обвисшими полями. В конце концов Агнесса решительно направилась вверх по ступенькам.

Ступеньки подметал какой-то паренек. То есть теоретически он должен был их подметать. На самом же деле он с помощью метлы перемещал мусор с одного места на другое, видимо, считая, что смена обстановки еще никому не вредила, — и кроме того, какая прекрасная возможность завести новых друзей. На пареньке было надето длинное, слегка маловатое для него пальто, а топорщащуюся шевелюру украшал не совсем уместный черный берет.

— Прошу прощения... — окликнула Агнесса.

Эффект был подобен удару молнии. Паренек обернулся, одна его нога заплелась вокруг другой, и он с грохотом рухнул на свою метлу.

Испуганно прижав ладошку ко рту, Агнесса поспешно наклонилась к пострадавшему.

— О, прости, я не хотела!..

Ладонь паренька была холодной и очень липкой — подержав такую руку, потом мечтаешь как можно быстрее подержать кусок мыла. Паренек быстро отдернул пальцы, откинул со лба сальные волосы и улыбнулся Агнесс испуганной улыбкой. Его лицо было из тех, что нянюшка Ягг называла «недоделанными», — бледное и с какими-то неопределенными чертами.

— Никаких проблем господа!

— Ты в порядке?

Он неловко поднялся, но метла умудрилась запу-

таться у него между коленей, и он резко сел обратно на ступеньки.

— Э-э... может, я помогу? — услужливо предложила Агнесса.

Она выдернула метлу из завязавшихся узлом конечностей. После пары фальстартов паренек сумел таки подняться.

— Ты работаешь в Опере? — спросила Агнесса.

— Да госпожа!

— В таком случае не подскажешь ли, где тут у вас проходят прослушивания?

Паренек с диким видом заозирался по сторонам.

— Конечно! — воскликнул он. — Вход на сцену! Сейчас покажу!

Слова выскакивали из него с невероятной скоростью, как будто ему пришлось выстроить их в очередь и выдать одним залпом, пока они не разбрелись кто куда.

Выхватив метлу из рук Агнессы, паренек сбежал вниз по ступенькам, направляясь к углу здания. Походка у него тоже была исключительной, прямо-таки уникальной: словно бы его тело тащила вперед неведомая сила, а ноги болтались где-то позади, отчаянно поспешая следом и ступая куда придется. Это была не столько ходьба, сколько отложенное на неопределенное время падение.

Тем не менее паренек успешно доставил Агнессу к незаметной дверце в боковой стене здания.

Сразу за дверцей обнаружилось нечто вроде небольшой будки со стойкой, расположенной так, что находящийся внутри будки человек мог наблюдать за дверью. Существо за стойкой, скорее всего, относилось к роду человеческому, потому что моржи ливрей не носят. Странный паренек моментально скрылся в сумрачных глубинах Оперы.